

УДК 165

DOI: 10.34670/AR.2023.94.69.001

Роль сознательно-волевых установок в каузальной генеалогии убеждений

Галухин Андрей Владимирович

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории и философии,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
117997, Российская Федерация, Москва, пер. Стремянный, 36;
e-mail: mystolbard@gmail.com

Аннотация

Раскрываются основные категории причин, которые выполняют различную функцию в процессах формирования убеждений. Категориальный анализ каузальной генеалогии убеждений предпосылается решению вопроса об условиях возможности деонтологически адекватного контроля доксистических установок. Моделируется категориальная матрица рационального объяснения того, каким образом сознательно-волевые установки субъекта, выделяемые как часть мотивационной структуры деятельности, выполняют каузальную роль в порядке формирования убеждений. Убеждения рассматриваются как функциональные состояния, неотделимые от процесса решения проблем, а ментальный акт приобретения убеждений – как достижение уверенности; убеждения являются формой признания истины и обладают эпистемической телеологией, а это не только объясняет роль эвиденциальных факторов в формировании убеждений, но дает основание утверждать, что приобретение убеждений может быть рационально мотивированным, однако эту мотивацию нельзя абстрагировать от мотивационной структуры деятельности, в которой заложена интенция на истину. Формирование убеждения является онтологически и актологически опосредованным, но опосредованность комплексом действий, проясняющих основания или формирующих эвиденциальную основу для убеждений, не отменяет мотивационную непосредственность, с которой субъект приходит к определенному убеждению. Для прояснения каузальной роли сознательно-волевых факторов в процессе формирования убеждений используется различие между причинами-триггерами и структурирующими причинами: если исследования и размышления, раскрывающие основания для убеждений, вступают в роли триггеров, запускающих каузальные механизмы индуцирования уверенности, то сознательно-волевые установки субъекта относятся к токенам типа причины, обеспечивающей структурирование доксистически продуктивного процесса, соответствующего познавательным интенциям субъекта.

Для цитирования в научных исследованиях

Галухин А.В. Роль сознательно-волевых установок в каузальной генеалогии убеждений // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 8А. С. 3-13. DOI: 10.34670/AR.2023.94.69.001

Ключевые слова

Убеждения, волевые установки, каузальная структура, докстастический контроль, эвиденциальные факторы, структурирующие причины, эпистемическая телеология.

Введение

Принципиальная ограниченность допущений концептуального плана, которые лежат в основе аргументов против докстастического волюнтаризма – положения о способности субъекта преднамеренно культивировать (формировать и поддерживать) собственные убеждения, проявляется в том, как истолковывается само *понятие сознательно-добровольного действия* и производится анализ *каузально-эффективной структуры* процесса формирования убеждений. Для критиков докстастического волюнтаризма операционально-парадигматическим прототипом сознательно-добровольного действия выступает преднамеренно совершаемое *действие*, нацеленное на достижение эффекта, для произведения которого достаточно внутреннего побуждения, – классическим образцом такого действия является, например, телесное движение, которое субъект совершает для осуществления того или иного желания. Принимая за основу такое истолкование принципа преднамеренного поведения, антиволюнтарист мыслит по аналогии, в рамках которой вполне осмысленным кажется вопрос о том, может ли субъект «приобрести убеждение просто так, *исключительно* потому, что он хочет это сделать, как если бы приобретение убеждения было бы похоже на поднятие руки?» [(Bennett, 1990, 89-90)]. Однако, как указывают оппоненты такого схематичного подхода, использование в отношении докстастических установок этой каузальной аналогии, выстроенной в рамках определенной парадигмы понимания преднамеренного действия, может вводить в заблуждение относительно того, в каком смысле убеждения являются сознательно усваиваемыми, – парадигма эта не позволяет в полной мере учитывать специфику когнитивных механизмов формирования установок сознания субъекта и редуцирует возможности понимания генезиса убеждений в контексте развертывания процессуально-актологической целостности ментальной жизни.

Цель настоящей работы – раскрыть основные категории причин, которые выполняют различную функцию в процессах формирования убеждений, и показать, что при условии правильной категориально-аналитической экспозиции каузальной генеалогии убеждений можно осмысленно ставить вопрос о роли сознательно-волевых установок субъекта в общем порядке детерминации пропозициональных установок, – от решения этого вопроса зависит обоснование ответственности субъекта за качество усваиваемых убеждений и состояние собственной докстастической сферы. Категориальный анализ каузальной структуры процесса формирования убеждений является методологической предпосылкой для демонстрации положения, что при определенных условиях убеждения субъекта поддаются косвенному контролю, аналогичному тому, который предполагается условиями сознательно регулируемого действия, исходя из возможности которого определяется круг вменяемых субъекту нормативно релевантных обязательств.

Паттерны каузально-процессуальной целостности: холистически-функциональный подход к индивидуации убеждений

Аналогия с осуществлением преднамеренных действий применима для осмысления условий сознательного индуцирования убеждений только в границах правильного моделирования каузально-процессуальной целостности поведения. Для понимания того, в

каком смысле усвоение убеждений можно отнести к категории сознательно-добровольных актов, особую ценность имеет аналитический подход к определению локуса добровольного действия, предложенный Ф.Дретске. Согласно Дретске, одно и то же событие М (например, поднятие руки) можно (а) представить in abstracto (просто как движение моей руки вверх) или (d) идентифицировать как событие, которое является эффектом определенной («внутренней») причины; но в рамках этих способов реконструкции аналогия не работает: возникновение убеждения не есть простое атомарное событие, которое можно было бы вычленивать из процесса ментальной (интенциональной) активности. Но М можно также рассматривать как часть каузально-процессуальной целостности, осмысленной как комплексное событие (с) «произведение М некоей внутренней причиной С» (что можно выразить функтором: $xI^{caus}C(x) \& x=M$), – при анализе такого функционального *паттерна каузально-процессуальной целостности*, в который оформляется *мотивированное поведение субъекта*, выделяются части, включая результат М, состояния или события, выступающие в роли причин С, и каузальную связь между М и С, однако все это части единого процесса, а части не являются причинами целого (поэтому внутренне событие вызывает внешнее движение, например, движение моей руки вверх, но не является причиной *поведения*, которое описывается указанным выше функтором как некий процесс продуцирования внешнего события внутренней причиной) [Dretske, 1991, 13-15].

М. Лосонский использует разработанную Ф. Дретске модель анализа целостной каузально-процессуальной структуры, лежащей в основе преднамеренного поведения, *представляя ментальный акт приобретения убеждений* как соответствующий данному *паттерну*: «Ментальный акт приобретения убеждений – это процесс, обусловленный внутренними причинами, включающими мотивационные состояния (такие как желания и побуждения), продукт, а именно – структуру в виде убеждения, и причинно-следственную связь между мотивационными состояниями и этой структурой. Волиционизм может утверждать, что приобретение убеждений может быть произвольным в той же мере, в какой поднятие моей руки, понимаемое правильным образом, а именно – как процесс вызывания движения моей руки соответствующим внутренним событием» [Losonsky, 2000, 107].

Данный концептуально-аналитический подход к определению локуса сознательно-добровольного действия служит методологическим средством реконструкции процесса приобретения убеждений на основе модели, предполагающей представление этого комплексного события как структурной части сознательно индуцируемого и контролируемого поведения. Но эта модель подходит преимущественно для описания таких условий формирования убеждений, которые актуализируются сознательно проектируемой и контролируемой деятельностью субъекта. Для этого необходимо пересмотреть традиционную схему различия между убеждением как таковым и исследованием, в результате которого субъект приходит к какому-либо убеждению.

Следуя новой методологии индивидуации убеждений, необходимо отказаться от трактовки убеждений как неких доксистических артефактов и рассматривать их функционально, т.е. исходя из той роли, которую формирование определенных убеждений играет в процессе конкретного предметного исследования, изучения того или иного вопроса. Контуры такого холистически-функционального подхода, который не отделяет достижение и поддержание состояния убежденности от процесса решения проблем и исследовательской деятельности в целом, были намечены в работах представителей прагматизма. Так, например, в представлении Ч.С.Пирса убеждение является надлежащей частью процесса исследования и размышления: «Это демикаданс, который завершает музыкальную фразу в симфонии нашей интеллектуальной

жизни» [Peirce, 1878, 290]. В этой системе концептуальных координат убеждение трактуется как состояние равновесия, которое включает в себя установленный набор диспозиций или принципов действия, и это единство или равновесие завершает исследование, начавшееся с специфического возбуждения сомнения или ситуации неопределенности.

Тенденция к развитию аналогичной идеи обозначилась также в современных функциональных подходах к анализу докстической сферы: «Если мы думаем об убеждении как о функции или роли в сети, которая имеет на входе сенсорную информацию, желания, а также другие убеждения, а на выходе – поведение и другие убеждения, то трудно понять, как исследование и размышление могут быть отделенным от убеждения» [Losonsky, 2000, 106].

Убеждение в локусе сознательной деятельности: против элементаризма и волюнтаризма базовых актов

Лосонский, видимо, считает, что для обоснования позиций докстического волюнтаризма – демонстрации их истинности для определенных классов убеждений – достаточно следующих двух положений:

(1) Убеждение в функциональном смысле является конститутивной частью процесса исследования, поскольку для целого класса убеждений верно положение, что каждой из них «частично индивидуализировано сомнением, которое оно устраняет, и исследованием, которое разрешает сомнение или определяет неурегулированную ситуацию» [Ibidem, 105].

(2) Если процесс исследования, размышления, решения проблем является сознательно контролируемым, то и убеждение, определенное по той роли, которое оно играет в структуре этого процесса, и выделяемое в локусе сознательно осуществляемой деятельности, является объектом произволения и регулирования.

Следовательно, усвоение и поддержание определенных убеждений как функционально-конститутивная часть сознательной деятельности (за исключением ряда убеждений первого порядка, который возникают вследствие когнитивно-спонтанных реакций на предметное окружение, выделяемое в очерченных границах опыта) является комплексным событием, которое входит в локус сознательного контроля со стороны субъекта.

Часть (2) этого аргумента является наиболее проблемной и требует аналитического прояснения и последовательного обоснования.

Не входя в противоречия с положениями, используемыми в качестве посылок данного аргумента, можно согласиться с антиволюнтаристской точкой зрения, что убеждение не может быть произведено непосредственно сознательным актом воли, если последний следует понимать в смысле особого события, которое могло бы быть причиной, обладающей силой индуцирования убеждений.

Подход, в рамках которого допускается, что можно представить сознательное формирование убеждений, руководствуясь примером элементарного действия, которое происходит в силу простого желания субъекта, является в ряде моментов эпистемически проблемным и метафизически сомнительным не только потому, что ($R^{\text{epistemic}}$) он основан на волюнтаристическом понимании принципа добровольного действия, которое несовместимо с рационально-мотивационной телеологией убеждений (о чем пойдет речь ниже), но также и потому, что ($C^{\text{trig/struct}}$) прототипом этого подхода служит неадекватная модель анализа и объяснения добровольного поведения, которая смешивает различные виды причин.

При таком подходе совершенно не учитывается, что преднамеренное достижение какого-

либо состояния имеет сложную каузальную основу в виде *системы подготовленных, организованных в последовательность и диахронически распределенных действий*, которые составляют *операциональное содержание преднамеренно осуществляемой деятельности*: «Никто не может получить домашний хлеб просто так, потому что испеченный хлеб нельзя вытащить из печи только в результате искреннего желания его иметь. Желание такого хлеба приводит в движение протяженный и вложенный процесс, а именно выпечку хлеба, а результатом является законченное действие, а именно выпечка хлеба, и продукт: выпеченный хлеб. Тот факт, что выпечка хлеба является длительным и комплексным действием, не делает его менее произвольным, чем поднятие руки» [Ibidem, 108]. Аналогичным образом можно было бы утверждать, что никто не может усвоить какое-либо убеждение просто так, в силу одного лишь желания полагать так, а не иначе.

Эпистемическая телеология и роль эвиденциальных факторов в детерминации убеждений

1 ($R^{\text{epistemic}}$). Убеждение выступает как пропозициональная установка, поддержание которой психологически сопряжено *субъективной уверенностью* в некоей истине (фактуальной или логической): «Убеждение есть такое пропозициональное отношение к p , при котором человек искренне признает p как истинное. Убежденность в том, что p , необходимая для того, чтобы верить, должна быть, по крайней мере, искренней уверенностью в том, что p , в свете имеющихся свидетельств» [Naylor, 1992, 428]. Л.Дж.Коэн относил убеждения к категории «диспозициональных чувств» – предрасположенностей к ощущению истинности того, что p или что не- p , и выделял также *принятия*, которые, в отличие от убеждений, есть продукты сознательного действия – «непосредственного решения или постепенно исполняемой интенции» [Cohen, 1992, 22] принимать и использовать какие-либо положения в качестве посылок рассуждений или решений.

Однако в строгом эпистемологическом смысле убеждение является также *формой признания истины*, т.е. обладает, как полагают некоторые аналитики, *рационально-эпистемической телеологией*. Как утверждает Б. Уильямс, всякое убеждение «нацелено на истину» [Williams, 1973, 137]. Следует заметить, однако, что М.Лосонский, признавая значение истинностной энтелехии убеждений в рамках познавательной деятельности, оспаривал всеобщий и необходимый характер этой интенции: убеждения обладают не только дескриптивным содержанием, в силу которого они функционируют в качестве репрезентаций, обеспечивающих навигацию в мире, но выполняют также социально-символические функции [Losonsky, 2000, 116-120].

Формирование убеждений предполагает *индуцирование уверенности в истинности некоторого положения*, – в одних случаях такая уверенность возникает *когнитивно-спонтанным образом* (в стандартной ситуации достаточно, например, задействовать способности восприятия или сфокусировать внимание на собственном состоянии), в других – субъект приходит к убеждению или поддерживает уверенность в истинности какого-либо положения в результате или посредством *исследования и размышления*, которые предпринимаются целенаправленно и выполняют генеративную, селективную и регулятивную функции в отношении того, что признается в качестве истинного.

Составляя операциональное содержание преднамеренно осуществляемой деятельности, *исследования и размышления* раскрывают основания для убеждений – формируют эвиденциальный базис уверенности, т.е. вступают, таким образом, в роли *триггеров*,

запускающих *каузальные механизмы индуцирования уверенности в том, что определенные положения являются истинными (или ложными)*. Эффективность работы этих механизмов, оцениваемая из перспективы преодоления *субъективной формы уверенности* и обретения убеждениями надлежащего эпистемического качества, в значительной мере определяется познавательными компетенциями и развитыми диспозициями, такими как *адекватная восприимчивость субъекта к факторам эвиденциального порядка* – верификаторам или индикаторам истинности (например, получаемым свидетельствам и вырабатываемым аргументам, которые дают «основания» для убеждений) [Steup, 2012, 469-476]. В той мере, в какой операциональное содержание деятельности поддается сознательному контролю и рациональной организации, формирование убеждений *определенного качества*, возникающих в результате *исследования и размышления*, следует рассматривать как эффект преднамеренной и контролируемой деятельности. Однако такой вывод сам по себе не позволяет однозначным образом ответить на вопрос: насколько обоснованным является допущение, что формирование убеждений *определенного содержания и эпистемического качества* есть именно *преднамеренно достигаемый* эффект деятельности? Как замечает У.Олстон, «произвольный контроль на исследовательской фазе не имеет тенденции обосновывать деонтологическую трактовку пропозициональных установок» [Alston, 1988, 273], поскольку непосредственно в момент формирования установки такой контроль отсутствует, – убеждение возникает автоматически, как только субъекту удастся поставить себя в превосходное положение для надежного формирования убеждений [Ibidem, 285]. Возражение на это замечание Олстона можно построить и подкрепить аргументами на основе правильной аналитики каузальных механизмов формирования убеждений.

Категориальный анализ каузальных структур

2(C^{trig/struct}). Одной из теоретических предпосылок обоснования положения возможности преднамеренного и регулируемого формирования убеждений является установление правильных типов причин и идентификация сознательно-волевой интенции как токена надлежащего типа причины. Ряд критических соображений Олстона, нацеленных против доксистического волюнтаризма, можно нейтрализовать посредством выделения такого недостатка как смешение категорий причин и порядков детерминации.

Для выявления возможностей решения проблемы сознательной детерминации и контроля доксистических установок необходим правильный анализ каузальной структуры процесса формирования убеждений. Концептуальную основу такого анализа составляют два принципиальных различия, первое из которых – это предложенное Беннетом различие между мотивационной непосредственностью и онтологической непосредственностью [Bennett, 1990, 87-107], а второе – обоснованное Ф.Дретске различие между *причинами-триггерами* и *структурирующими причинами*. В контуре этих различий можно установить роль мотивационных структур – сознательно-волевых факторов в общей системе детерминации процесса формирования убеждений.

Онтологическая опосредованность и мотивационная непосредственность

Как единичное преднамеренное действие (типа поднятия руки), так и целостная деятельность (типа выпекания хлеба) с диахронически распределенными действиями могут

быть *мотивационно непосредственными*, т.е. осуществляться по желанию и воле субъекта, оформленным в мотивированное решение, но *онтологически опосредованными*, поскольку осуществление этих действий на базовом уровне опосредовано комплексом событий и актов (например, нейронных событий и физических актов, таких как напряжение мышц), составляющих имманентные условия активизации способности действия. Различие между мотивационной непосредственностью и онтологической опосредованностью может быть эффективно использовано в рамках аналогии между формированием определенных классов убеждений и осуществлением действий, удовлетворяющих условию мотивационной непосредственности: «Исследования и рефлексия опосредуют убеждение подобно тому, как события в нейро-системе опосредуют жест» [Losonsky, 2000, 108]; но однородное действие может быть мотивационно непосредственным в той же степени, как и преднамеренная диахронически распределенная деятельность. Аналогичным образом можно вполне осмысленно утверждать, что «приобретение убеждений может быть непосредственно мотивировано побуждениями, даже если это расширенная деятельность, включающая исследование» [Ibidem, 109]. В этом смысле субъект может *сознательно-волевым образом сделать то*, эффектом чего является усвоение определенного убеждения, сопряженного с уверенностью в истинности некоторого положения, при этом мотивационная структура действия, индуцирующего такую уверенность, должна включать в себя не просто произвольное желание, но *рациональное целеустремление*: приобретение убеждений не есть цель сама по себе, а результат, получаемый вследствие осуществления действий, направленных на достижение эпистемически значимой цели; и *если целью является установление того, что истинно, то субъект приходит к убеждению, что р, потому, что делает что-то, что позволяет ему выявить надежные индикаторы истинности, сознание которых индуцирует уверенность в том, что р*.

Итак, формирование убеждения является опосредованным не только онтологически, но и актологически, поскольку осуществляется посредством ряда действий, способствующих возникновению состояния уверенности в истинности некоторого положения, но опосредованность этого процесса комплексом действий, подготавливающих эвиденциальную почву для убеждений, не отменяет ту *мотивационную непосредственность*, с которой субъект приходит к определенному убеждению: «Если я затем принимаю во внимание правильные аргументы и исключаю сомнительные, мое приобретение убеждения является таким же мотивационно непосредственным, как выпечка хлеба или поднятие руки» [Losonsky, 2000, 109]. Если использовать модель анализа каузальной структуры процесса формирования убеждений, которая предусматривает различие двух категорий непосредственности – мотивационной и онтологической (или событийно-актологической), то можно вполне обоснованно признать, что нет ничего парадоксального в сочетании положения Нейлора, согласно которому «простое решение поверить в то, что р, само по себе не производит убеждения» [Naylor, 1985, 431], с каузально-атрибутивным описанием, согласно которому усвоение убеждений является мотивационно непосредственным эффектом некоторого действия или системы действий: «Я приобретаю убеждение просто потому, что мне этого хотелось, как если бы я испек хлеб, *просто* потому, что мне этого хотелось» [Losonsky, 2000, 109].

Однако для обоснования доксистически-волюнтаристического положения о способности субъекта культивировать определенные убеждения, реализуя сознательно-волевою установку, необходимо не только выделить последнюю как часть мотивационной структуры деятельности, но и выяснить, каким образом сознательно-волевые установки субъекта выполняют каузальную

роль в порядке формирования убеждений. Каузальная аналитика процесса формирования убеждений должна основываться на выделении различных категорий причин и установлении их роли в достижении такого эффекта, как трансформация доксистической сферы.

В качестве концептуальной матрицы определения надлежащего типа причинности, который реализуется в порядке детерминации убеждений, можно использовать обоснованное Ф.Дретске различие между причинами-триггерами и структурирующими причинами.

Категории причин: причины-триггеры и структурирующие причины

Представляя аналитическую экспозицию структуры каузального объяснения поведения, Дретске выделяет два разных способа понимания причин процесса: «В поисках причины процесса мы иногда ищем запускаящее его событие («событие-триггер» – А.В.): что вызвало С, *которое* вызвало М. В других случаях мы ищем событие или события, которые *сформировали* или *структурировали* процесс: то, что заставило С вызвать М, а не что-то другое. Первый тип причины, запускающая причина (или «причина-триггер» – Авт.), заставляет процесс происходить сейчас. Причина второго типа, структурирующая причина, отвечает за то, что он (этот процесс – Авт.) является именно *этим процессом*, таким, продуктом которого является М и который происходит сейчас» [Dretske, 1991, 42]. Различие между двумя этими типами причин, полагает Дретске, помогает объяснить, почему можно знать, что вызвало каждое событие, составляющее процесс, не зная, что вызвало этот процесс. Одно дело – знать причину-триггер, а именно – то, что вызвало то или иное событие, входящее в последовательность взаимосвязанных событий, различаемых как конститутивные моменты процесса, другое – выяснять «структурирующую причину процесса – то, что вызвало те условия, при которых С вызывает М (а не что-то другое)» [Ibidem, 43]. Сознательное желание субъекта достигнуть определенного результата или стремление его к какой-либо цели входят в систему *структурирующих* причин. Так, например, проектировщики, производители и установщики термостата, следуя определенному замыслу, организовали (*структурирующая причина*) фоновые условия работы обогревательного устройства таким образом, чтобы это устройство запускалось каждый раз, когда в комнате становится слишком холодно (движение биметаллической планки в ответ на колебания температуры = *триггерная причина*) [Ibidem, 49].

Различие причин-триггеров и структурирующих причин имеет особенное значение для определения роли рационально-мотивационных структур в модели объяснения поведения.

Отправляясь от этого различия, можно показать ошибочность понимания сознательно-волевой детерминации убеждений по принципу простого намеренного действия, мотивированного желанием, претворяемым в намерение, и совершаемого непосредственно в силу решения исполнить это намерение, – неверно предполагать, что «воля и желание являются причинами, которые запускают формирование убеждения подобно тому, как щелчок выключателя приводит к включению света» [Losonsky, 2000, 109].

Утверждение прямого базового контроля субъекта над собственными убеждениями (сильная версия доксистического волюнтаризма) основывается на *смешении причин-триггеров со структурирующими причинами*: «До тех пор, пока мы будем искать побуждения в качестве триггеров для убеждений, нам будет трудно понять роль желания и воли в формировании убеждений, и, следовательно, мы будем слепы к тому, какую роль побуждения (волевые факторы – А.Г.) играют в познании» [Ibidem, 110].

Применительно к условиям формирования убеждений модель категориальной аналитики причин, предложенная Дретске, дает критерии для *идентификации сознательно-волевых установок субъекта в качестве структурирующих причин образования доксистических диспозиций*, реализуемых посредством усвоения определенных убеждений. Применение этих категориальных дистрикций для реконструкции каузальной архитектуры доксистически продуктивных процессов обеспечивает концептуальную основу для развития более комплексного представления о том, что конатативные факторы могут определять структуру процесса формирования убеждений так же, как преднамеренные действия инженера структурируют работу термостатов [Dretske, 1991, 86], – сознательно-волевые установки субъекта входят в систему условий и факторов, участвующих в структурировании процесса приобретения убеждений, обуславливая формирование доксистических формаций, интегрирующих убеждения, которые обладают качествами, имеющими эпистемическую и символическую [Losonsky, 2000, 116] значимость. Предметом мотивирующей интенции могут быть непосредственно истинные убеждения или убеждения, относительно которых имеется надежный эвиденциальный базис, но в равной степени это могут быть и убеждения, обладающими другими – транснормативными, преференциально выделяемыми и/или интересубъективно значимыми свойствами, такими как простота и концептуальная отчетливость содержания, когерентность другим убеждениям, а также способность выполнять функцию интегрально-обобщенной репрезентации жизненного опыта личности и т.д.

Заключение

Определение роли сознательно-волевых факторов как причин, обуславливающих такое *целесообразное структурирование* процесса формирования убеждений, которое должно, по идее, обеспечивать достижение желаемого эффекта – образования или трансформации доксистических установок определенного содержания и качества, представляет классический случай обоснования принципиального положения о способности субъекта *косвенным образом* контролировать сферу собственных убеждений. Данный каузально-аналитический подход можно квалифицировать как часть стратегии аргументации в пользу *умеренного доксистического волюнтаризма*.

Однако, если рассматривать значение этого подхода для решения задач эпистемологического исследования, таких как определение способов получения убеждений *надлежащего качества*, адекватного условиям трансформации их в *протоэлементы знания*, то становится очевидным, что для развития объяснительного потенциала этого подхода *недостаточно выделять одни лишь мотивационные структуры деятельности*, в процессе которой запускаются когнитивные триггеры убеждений, – необходимо саму деятельность рассматривать не только в порядке ее *телеологической* детерминации, но и в аспекте действия таких структурирующих причин, которые заключаются в формах *эпистемически-нормативной регуляции* и *методологически основательной организации* процесса выработки пропозициональных установок.

Аргумент в пользу расширения поля структурирующих причин состоит в следующем: если в мотивационную структуру деятельности, посредством которой запускается работа механизмов индуцирования уверенности в истинности некоторого положения, входит интенция на формирование таких убеждений, которые должны удовлетворять стандартам эпистемического качества (обоснованность, когерентность, чувствительность к фактам,

эвристическая содержательность т.д.), то условия целесообразного структурирования процесса формирования пропозициональных установок должны включать комплекс мер, направленных на установление и поддержание познавательно целесообразной доксистической дисциплины. Выделение мотивационных структур – сознательно-волевых интенций – безотносительно к структурам нормативного сознания субъекта недостаточно для того, чтобы придать принципу доксистического волюнтаризма значение, адекватное концепции эпистемической деонтологии, которая предполагает трактовку обоснованности убеждений как функции исполнения интеллектуальных обязательств, вытекающих из эпистемических норм, и придает ценность только таким убеждениям, которые формируются на основе рационального и ответственного действия субъекта познания.

Библиография

1. Alston W.P. The Deontological Conception of Epistemic Justification // *Philosophical Perspectives*. 1988. Vol. 2. Epistemology. P. 257-299.
2. Bennett J. Why is Belief Involuntary? // *Analysis*. 1990. Vol. 50. P. 87-107.
3. Cohen L. Jonathan An Essay on Belief and Acceptance. Clarendon Press, Oxford, 1992. 163 p.
4. Dretske F. Explaining Behavior: Reason in a World of Causes. Cambridge, MA: MIT Press, 1991. 165 p.
5. Losonsky M. On Wanting to Believe // *Believing and Accepting*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2000. P. 101-131.
6. Naylor M.B. Voluntary Belief. // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1985. Vol. 45. No. 3. P. 427-436.
7. Peirce C.S. How to Make Our Ideas Clear // *Popular Science Monthly*. 1878. № 12. P. 286-302.
8. Steup M. Justification, Deontology, and Voluntary Control // *Conceptions of Knowledge*. Berlin and Boston: De Gruyter, 2012. P. 461-485.
9. Williams B. Deciding to Believe // *Problems of the Self*. Cambridge UK: Cambridge University Press, 1983. P. 136-51.

The Role of Mindful Volitional Attitudes in the Causal Genealogy of Beliefs

Andrei V. Galukhin

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of History and Philosophy,
Plekhanov Russian University of Economics,
117997, 36, Stremyannyi lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: mystolbard@gmail.com

Abstract

The main categories of reasons that perform different functions in the processes of belief formation are revealed. A categorical analysis of the causal genealogy of beliefs is preceded by a solution to the question of the conditions for the possibility of deontologically adequate control of doxastic attitudes. A categorical matrix of a rational explanation of how the subject's conscious-volitional attitudes, identified as part of the motivational structure of activity, plays a causal role in the formation of beliefs is modeled. The formation of a belief is ontologically and actologically mediated, but the mediation by a set of actions that clarify the grounds or form an evidential basis for beliefs does not cancel the motivational immediacy with which the subject comes to a certain belief. To clarify the causal role of conscious-volitional factors in the process of belief formation, the difference between trigger reasons and structuring reasons is used by the author: if research and

reflection that reveals the basis for beliefs act as triggers that launch causal mechanisms for inducing confidence, then the subject's conscious-volitional attitudes relate to tokens of the type of reason that provide the structuring of a doxastically productive process corresponding to the cognitive intentions of the subject.

For citation

Galukhin A.V. (2023) Rol' soznatel'no-volevykh ustanovok v kauzal'noi genealogii ubezhdenii [The Role of Mindful Volitional Attitudes in the Causal Genealogy of Beliefs]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (8A), pp. 3-13. DOI: 10.34670/AR.2023.94.69.001

Keywords

Beliefs, volitional attitudes, causal structure, doxastic control, evidential factors, structuring causes, epistemic teleology.

References

1. Alston W.P. (1988) The Deontological Conception of Epistemic Justification. *Philosophical Perspectives*, 2, pp. 257-299.
2. Bennett J. (1990) Why is Belief Involuntary? *Analysis*, 50, pp 87-107.
3. Cohen L.J. (1992) *An Essay on Belief and Acceptance*. Clarendon Press, Oxford.
4. Dretske F. (1991) *Explaining Behavior: Reason in a World of Causes*. Cambridge, MA: MIT Press.
5. Losonsky M. (2000) On Wanting to Believe. In: *Believing and Accepting*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
6. Naylor M.B. (1985) Voluntary Belief. *Philosophy and Phenomenological Research*, 45, 3, pp. 427-436.
7. Peirce C.S. (1878) How to Make Our Ideas Clear. *Popular Science Monthly*, 12, pp. 286-302.
8. Steup M. (2012) Justification, Deontology, and Voluntary Control. In: *Conceptions of Knowledge*. Berlin and Boston: De Gruyter.
9. Williams B. (1973) *Deciding to Believe*. In: *Williams, B. Problems of the Self*. Cambridge UK: Cambridge University Press.